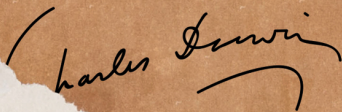

ДАРВИН

Чарлз Роберт

«Я пытался составить отчет о моей жизни
так, будто бы был мертвецом, с того света
смотрящим на свое прошлое.
И это оказалось не так уж сложно:
мои годы почти сочтены».

Дневник работы
и жизни

1809 — 1882

Чарльз Роберт Дарвин

Дневник работы и жизни

Серия «Время великих»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16897487

Чарльз Роберт Дарвин. Дневник работы и жизни: Мысль; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-105693-3

Аннотация

Большинству читателей известен текст автобиографии Чарльза Дарвина, отредактированный – и изрядно сокращенный – его сыном Френсисом, а после переведенный на русский К. А. Тимирязевым. Отдельно публиковались фрагменты, касающиеся религиозных взглядов натуралиста. В этом издании вниманию читателя предлагаются оригинальные – по черновикам восстановленные, наново переведенные и прокомментированные Самуилом Львовичем Соболевым – воспоминания биолога и путешественника, а также его дневник. Как отмечает переводчик и автор комментариев, это самый полный биографический справочник об английском ученом. Кроме того, это обаятельный, искренний рассказ знаменитого студента старейших английских университетов, морского путешественника и свидетеля викторианской эпохи.

Содержание

Предисловие переводчика	7
Новые материалы к биографии Чарлза Дарвина	15
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Чарлз Роберт Дарвин

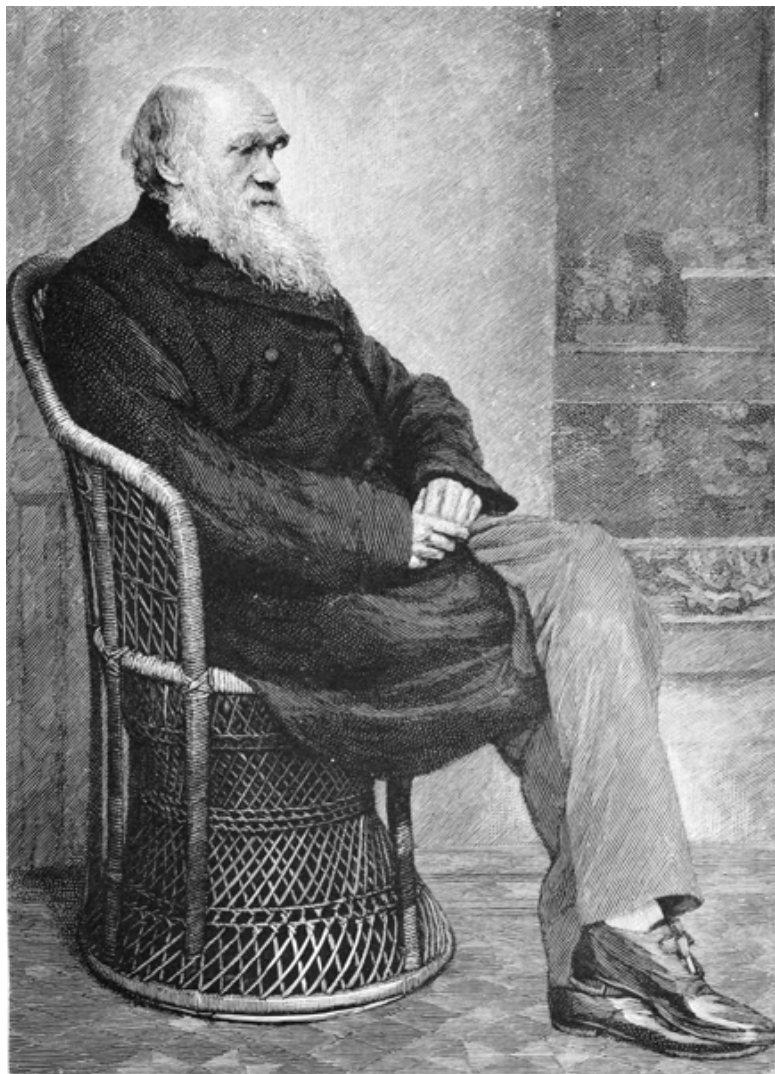
Дневник работы и жизни

© Перевод на русский язык, комментарии. С. Л. Соболев
(наследники), 2017

© О переводчике. С. С. Илизаров, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

*** * ***

Чарлз Роберт Дарвин (1809–1882)

Предисловие переводчика

То обстоятельство, что всем известная «Автобиография» Чарлза Дарвина представляет собою сильно сокращенный вариант «Воспоминаний», написанных Ч. Дарвином в 1876–1881 гг., было достаточно очевидно уже при первой публикации «Автобиографии» сыном Ч. Дарвина Френсисом в 1887 г. в составе первого тома *L. L.* Как видно из вступительной ремарки Френсиса Дарвина к «Автобиографии», заглавие это принадлежит ему, а не Ч. Дарвину, который, – очевидно, с целью подчеркнуть, что его главным стремлением было показать историю своего духовного развития, – назвал свои записки «Воспоминания о развитии моего ума и характера». В 1887 г., через пять лет после смерти отца, Френсис Дарвин не счел возможным полностью опубликовать «Воспоминания» отца, в ряде отношений слишком откровенные. Он предпочел придать «Воспоминаниям» характер главным образом рассказа об основных фактах жизни Ч. Дарвина, т. е. характер именно автобиографии, а не воспоминаний, и для этого исключил из текста «Воспоминаний» все те разделы, абзацы и фразы, которые не содержали прямых данных о событиях жизни Ч. Дарвина и его научно-литературной работе. Некоторые из этих исключенных из «Воспоминаний» разделов, например раздел об отношении Ч. Дарвина к религии, рассказ его об отце и брате (в значительно со-

кращенном, в свою очередь, виде), даны Френсисом Дарвином в главах восьмой и первой того же первого тома *L. L.* с указанием, что эти тексты извлечены из «Воспоминаний». Несколько более мелких отрывков из «Воспоминаний» даны в других местах трех томов *L. L.* и в *M. L.*

Все это и прямые указания Фр. Дарвина в тексте «Автобиографии» о произведенных им сокращениях говорили о том, что до сведения широких кругов читателей «Воспоминания» Чарлза Дарвина доведены далеко не в полном виде. В 1933 г. внучка Ч. Дарвина Нора Барло опубликовала полностью тот отрывок «Воспоминаний» Дарвина, в котором дана подробная характеристика капитана Роберта Фиц-Роя. Однако вплоть до настоящего времени полный текст «Воспоминаний» Ч. Дарвина остался неопубликованным и широким кругам читателей неизвестным; что же касается русских читателей, то в огромном большинстве они знакомы только с текстом «Автобиографии», опубликованным Фр. Дарвином во 2-й главе *L. L.* и переведенным на русский язык К.А. Тимирязевым еще в конце 90-х годов XIX века. Так называемая глава о религии была переведена на русский язык с немецкого перевода Б. Вилле в 1907 г. и с тех пор, в противоположность «Автобиографии» (в переводе К.А. Тимирязева), больше ни разу не переиздавалась.

Готовя к печати 9-й том академического издания «Сочинений» Ч. Дарвина, в состав которого должны войти и различные автобиографические материалы Ч. Дарвина, пишу-

ций эти строки сделал попытку воссоздать первичный текст «Воспоминаний» по всем опубликованным до настоящего времени отрывкам и извлечениям из него. Произведенная работа дала известный положительный эффект, однако полученный таким путем текст оставался явно мозаичным и отрывочным. Стало еще более очевидным, что значительные и, видимо, весьма интересные части «Воспоминаний» Ч. Дарвина остаются необнародованными – обстоятельство, крайне печальное: через 75 лет после смерти гениального ученого было бы вполне естественно ознакомить широкие круги читателей всего мира с полным текстом «Воспоминаний» – этого важнейшего автобиографического документа, оставленного гениальным основоположником современной биологии.

Редакционная коллегия академического издания «Сочинений» Ч. Дарвина считала чрезвычайно желательным дать в томах, посвященных жизни и переписке Дарвина, полные тексты «Воспоминаний» и ряда других остающихся еще не опубликованными документов и писем Дарвина – «Дневника» его жизни и работы, первой эволюционной «Записной книжки» 1837–1838 гг., некоторых писем к Ч. Лайеллю и др. Так как подлинники или копии большинства рукописей Дарвина хранятся главным образом в Библиотеке Кембриджского университета, было решено обратиться туда (через Фундаментальную библиотеку Академии наук СССР) с просьбой о предоставлении Редколлегии «Сочинений» Дарвина

фотокопий или микрофильмов указанных документов Дарвина. Библиотека Кембриджского университета с величайшей любезностью предоставила нам микрофильмы перечисленных документов, а на нашу просьбу разрешить нам опубликовать полный русский перевод этих документов Дарвина секретарь Кембриджской библиотеки м-р А. Тиллотсон в письме на имя главного редактора академического издания «Сочинений» Ч. Дарвина академика В.Н. Сукачева любезно сообщил: *Dear Sir, I thank you for the letter from yourself and Professor Sobol about the Darwin material. We are glad to enable you to publish a complete Russian translation of Darwin's works by means of microfilms of documents in this Library. We have no objection to their being translated and published. – Yours truly A. Tillotson (Secretary of the University Library, Cambridge, England).* [«Милостивый государь, я благодарю Вас и профессора Соболя за письмо по вопросу о материалах Дарвина. Мы рады предоставить вам возможность опубликовать полный русский перевод работ Дарвина путем использования микрофильмов документов, хранящихся в нашей Библиотеке. У нас нет возражений против того, чтобы они были переведены и опубликованы. – Преданный вам А. Тиллотсон (Секретарь Университетской библиотеки, Кембридж, Англия)».]

<...> Из ряда полученных нами из Кембриджа документов Дарвина мы публикуем в данной книге <...> полный перевод двух автобиографических документов – «Воспомина-

ний» и «Дневника». О первом из них было уже достаточно сказано выше. Предварительно, до получения нами микрофильма полного текста «Воспоминаний», мы намерены были использовать <...> старый перевод «Автобиографии», выполненный К.А. Тимирязевым (или вероятнее – под его редакцией), который был пересмотрен и уточнен по опубликованному Фр. Дарвином тексту и пополнен переводом других опубликованных отрывков из «Воспоминаний».

Ознакомление с полученным из Кембриджа рукописным текстом «Воспоминаний» привело нас, однако, к решению отказаться от старого перевода и сделать совершенно новый перевод, единый по стилю и точно соответствующий английскому тексту, каким он стал известен нам по подлинной рукописи Ч. Дарвина. Дарвин, как он сам говорит во вступительных строках «Воспоминаний», совершенно не заботился о стиле изложения; кроме того, в 1877–1879 и 1881 гг. он написал ряд обширных вставок, нарушивших и без того не очень строгую архитектурную стройность «Воспоминаний». Все это придает «Воспоминаниям» характер предварительного наброска, не вполне отделанного в стилистическом отношении. Надо думать, что одной из целей, которые преследовал Фр. Дарвин, производя свою обработку «Воспоминаний», было придать «Воспоминаниям» более стройный и удобочитаемый вид. Поскольку, однако, мы преследовали совершенно иную цель – ознакомить широкие круги читателей с этим важнейшим документом в том виде, как он

вышел из-под пера самого Дарвина, было естественным требование, которое мы поставили себе: возможно точнее отразить в переводе все мельчайшие особенности, все нюансы дарвиновского подлинника, считаясь при этом, разумеется, с законами русского языка.

То же относится и к небольшому «Дневнику», в котором Ч. Дарвин очень коротко отмечал, начиная с 1838 г. и кончая 1881 г., важнейшие события своей научно-литературной деятельности и своей жизни. Этот «Дневник» был широко использован Френсисом Дарвином в его пояснительных заметках к письмам Ч. Дарвина, включенным в *L. L.* и *M. L.* Однако только немногие записи «Дневника» Фр. Дарвин привел текстуально. «Дневник» (или, как он назван в каталоге Библиотеки Кембриджского университета, «Личный дневник») Дарвина написан крайне лаконичным языком, и чтобы сделать его несколько более удобочитаемым, в текст его пришлось ввести довольно много дополнительных слов, заключенных в квадратные скобки.

О внешних особенностях обеих рукописей – «Воспоминаний» и «Дневника» – достаточно сообщить следующее. Рукопись «Воспоминаний» представляет собою первичную рукопись Дарвина, написанную его собственной рукой очень мелким, но достаточно разборчивым почерком на 206 страницах тетради крупного формата. Основная нумерация (т. е. нумерация страниц текста, написанного в 1876 г.) охватывает 121 страницу. Вставки, написанные в 1877–1879 и

1881 г., обозначены номером той страницы, к которой они относятся, и в тех случаях, когда вставка занимает несколько страниц, — последовательными буквами английского алфавита. В примечаниях мы даем подробный перечень как ранее опубликованных частей «Воспоминаний», так и всех существенных не опубликованных до настоящего времени частей. Перевод «Дневника» сделан нами с рукописной копии, изготовленной по поручению Френсиса Дарвина, вероятно, в те годы, когда он готовил к печати тома *L. L.* В ряде мест этой копии (занимающей 24 страницы формата ученической тетради) имеются на полях сделанные рукою Френсиса Дарвина исправления слов, неправильно прочитанных или и вовсе не разобранных переписчиком. В двух-трех местах, однако, и Френсис Дарвин оказался не в состоянии разобрать руку отца.

Характер обоих документов, в которых упоминается очень большое число событий, имен и географических мест, мало знакомых или совершенно неизвестных современному читателю, вызвал необходимость дать достаточно обширный комментарий, без которого значительная часть «Воспоминаний» и «Дневника» могла бы остаться непонятной.

Я хочу выразить здесь свою искреннюю признательность работникам Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР А.И. Широковой и А.И. Павловой за их активную помощь в получении из Библиотеки Кембриджского университета материалов и документов Чарлза

Дарвина. Я приношу также свою благодарность А.О. Зелениной, которая взяла на себя нелегкий труд по сопоставлению рукописного текста «Воспоминаний» с опубликованными ранее частями и сумела таким путем выявить остававшиеся до настоящего времени не известными части «Воспоминаний», кандидату филологических наук С.К. Апту, который произвел указанную выше работу по улучшению старого перевода «Автобиографии» и переводу некоторых ранее опубликованных в Англии, но не переведенных на русский язык отрывков из «Воспоминаний», и за помощь в составлении некоторых примечаний к «Воспоминаниям» – профессорам С.Г. Геллерштейну и Ф.Т. Гринбауму и доцентам П.Е. Заблудовскому и В.Л. Левину.

С. Л. Соболев

Новые материалы к биографии Чарлза Дарвина

«Автобиография» Чарлза Дарвина – в том виде, в каком она была опубликована в 1887 г. Френсисом Дарвином в первом томе *L. L.*, – явилась, несомненно, одним из важнейших источников для всех без исключения авторов многочисленных жизнеописаний Дарвина с 80-х годов XIX века и до наших дней. Объяснение этому заключается прежде всего в прямоте, правдивости, искренности, простоте и скромности, которые оведают повесть Дарвина о самом себе. Если не считать немногочисленных, по большей части незначительных и притом вполне естественных ошибок в датах, именах и т. п., на каждое слово Дарвина можно вполне положиться, каждый сообщаемый Дарвином факт находит подтверждение в многочисленных других дарвиновских документах – его дневниках, записных книжках, переписке, в воспоминаниях о нем его родных и друзей, а также многочисленных посетителей Дауна и корреспондентов Дарвина и т.д.

Однако как уже было указано в предисловии, «Автобиография» представляет собою лишь значительно сокращенный и в некоторой мере литературно обработанный текст «Воспоминаний о развитии моего ума и характера» Ч. Дарвина. Вполне естественно поэтому ожидать, что для биогра-

фов Дарвина, для историков эволюционного учения, биологии и естествознания в целом, наконец, для всех, кто интересуется жизнью и творчеством Дарвина, еще большее значение, чем «Автобиография», представит полный, пока еще остающийся в Англии неопубликованным текст «Воспоминаний» Дарвина.

Существенной особенностью «Воспоминаний» – в отличие от «Автобиографии» – является тенденция Дарвина внимательно всмотреться в свой духовно-этический облик и, поскольку это представлялось ему возможным, проследить развитие некоторых сторон своего мировоззрения и характера с детства и до старости. Обильный материал для характеристики «ума и характера» Дарвина, а вернее – его мировоззрения и его психических особенностей, дают воспоминания Дарвина о его поведении в детстве, о его отношении к литературе, искусству и к вопросам морали в науке, его воспоминания об отце, старшем брате и капитане Фиц-Рое, и в особенности раздел «Воспоминаний», посвященный отношению Ч. Дарвина к религии и те краткие, но многозначительные характеристики ряда видных ученых и других деятелей Англии, которые с такой щедростью даны Ч. Дарвином в его «Воспоминаниях о развитии моего ума и характера», но которые либо значительно сокращены, либо полностью опущены Френсисом Дарвином в тексте «Автобиографии». Большой материал для характеристики отношения Дарвина к труду дают некоторые замечания в его «Дневнике» и вся

система погодных записей «Дневника».

Склонность к самонаблюдению и стремление проследить генезис своих основных психических особенностей возникли, несомненно, у Ч. Дарвина уже в молодые годы. Мы знаем, во всяком случае, что уже в 1838 г., когда Дарвину исполнилось только двадцать девять лет, он приступил к составлению своих «Воспоминаний», которые, однако, довел тогда лишь до середины 1820 г., т. е. до того времени, когда ему исполнилось одиннадцать лет. В этих воспоминаниях о раннем детстве, текст которых был обнаружен Френсисом Дарвином среди бумаг отца при перевозке их из Дауна в Кембридж, уже ясно обозначился интерес Ч. Дарвина к истории возникновения и развития у него различных вкусов и навыков, интерес, который впоследствии получил значительно более выраженный характер в «Воспоминаниях о развитии моего ума и характера».

То обстоятельство, что Дарвин сразу же оборвал работу над воспоминаниями о раннем детстве, свидетельствует не только о крайней занятости его. Несомненно, 1837–1842 годы были в жизни Ч. Дарвина временем исключительной активности и многообразной научно-литературной деятельности, оставлявшей ему мало досуга. Можно думать, однако, что главной причиной прекращения этой работы послужило другое: вероятно, приступив к описанию своей жизни и своего духовного развития в 1838 г., Дарвин уже очень скоро понял, что в возрасте двадцати девяти лет делать это преж-

девременно. Но самую мысль о составлении в том или ином отдаленном будущем автобиографических «Воспоминаний» он не оставил, и быть может именно этим объясняется тот факт, что в том же 1838 г. он приступил к составлению дневника своей жизни и работы, того «Дневника», который только сейчас впервые увидит свет – в переводе на русский язык – в настоящей книге. Вероятно, Дарвин вместо составления «Воспоминаний» решил ограничиться «Дневником», который когда-нибудь впоследствии послужит ему хронологической канвой и основной памяткой при составлении «Воспоминаний». Проявляя, как и всегда в своей работе, чрезвычайную методичность, Дарвин не прекращал в течение всей жизни из года в год аккуратно заполнять столбцы своего «Дневника» то более, то менее подробно. Начав его в 1838 г. и кратко записав главные события своей жизни до 1837 г., он сделал последнюю запись в «Дневнике» 13–20 декабря 1881 г., за четыре месяца до смерти. Несомненно, «Дневник» был использован Дарвином в 1876 г., когда он впервые написал основной текст «Воспоминаний», и затем в 1878–1879 и в 1881 гг., когда им были написаны главные крупные вставки и дополнения к «Воспоминаниям».

Задача настоящей статьи – обратить внимание читателей на те наиболее существенные новые данные, которые можно извлечь из публикуемых в этой книге двух документов Ч. Дарвина – «Воспоминаний» и «Дневника» – для характеристики его мировоззрения и его личности. В первую очередь

мы остановимся на данных, позволяющих уяснить отношение Дарвина к религии. Мы частично используем для этого весь раздел «Воспоминаний», названный Дарвином «Религиозные взгляды», поскольку раздел этот даже в опубликованном ранее сокращенном виде мало известен широким кругам читателей, но будем особо отмечать те отрывки раздела о религии, которые до настоящего времени остаются неопубликованными на английском языке.

Дарвин начинает эту часть своих «Воспоминаний» заявлением, что в течение двух лет его холостой жизни в Лондоне, с 7 марта 1837 г. до 29 января 1939 г., ему «пришлось много размышлять о религии». В «Дневнике» мы находим за указанный период времени только одну запись, позволяющую уточнить то время, когда Дарвин «много размышлял о религии»: это было «в течение всего сентября» и «в начале октября» 1838 г. Возможно, впрочем, что записи в «Дневнике» от 23 июня и 1 августа того же года, в которых говорится о «метафизических изысканиях» и «метафизических вопросах», также относятся к размышлениям о религии. Так или иначе, но можно с несомненностью установить, что период особенно интенсивных размышлений Дарвина над вопросами религии приходится на то время, когда он закончил уже свою «Первую записную книжку по вопросу о трансмутации видов», которую, как известно, он вел с июля 1837 г. до февраля 1838 г. Если же учесть слова Дарвина в «Воспоминаниях» о том, что он много размышлял о религии с начала мар-

та 1837 г., то становится ясным, что размышления эти стояли в тесной, непосредственной связи с размышлениями его над вопросами о происхождении многообразия и целесообразности органического мира. Иными словами, с самого начала своей работы над теорией эволюции – это следует подчеркнуть – Дарвин, отказавшись от креационизма – учения о неизменности организмов, их первозданном многообразии и изначальной целесообразности, понял, что он тем самым поставлен в необходимость решительно порвать и с какими бы то ни было религиозными верованиями.

Следует, впрочем, отметить, что уже с юных лет Дарвин относился к религии в достаточной мере формально.

Из «Автобиографии» Дарвина хорошо известен его рассказ о том, как по настоянию своего отца, доктора Роберта Дарвина, Чарлз перешел в возрасте девятнадцати лет из Эдинбургского в Кембриджский университет для подготовки в священники. Это предложение было сделано Чарлзу отцом по той причине, что после двух лет пребывания на медицинском факультете Эдинбургского университета Чарлзу стало ясно, что карьера врача его не привлекает. Он просил у отца разрешения в течение известного времени обдумать вопрос и, ознакомившись с некоторыми богословскими сочинениями, пришел к выводу, что у него нет возражений против карьеры священника, тем более что у него, как он говорит в «Автобиографии», «не было в то время ни малейшего сомнения в буквальной истинности каждого слова Библии».

Поэтому, заключает Дарвин, «я очень скоро убедил себя в том, что наше вероучение [т. е. англиканское исповедание] необходимо считать полностью приемлемым».

Весь этот рассказ Дарвина принимает, однако, существенно иной характер в свете имеющихся в «Воспоминаниях», но отсутствующих в «Автобиографии» двух фраз, которые следуют непосредственно за только что приведенными. В этих двух фразах Дарвин говорит следующее: «Меня, однако, поражало, насколько нелогично говорить, что я верю в то, чего я не могу понять и что фактически вообще не поддается пониманию. Я мог бы с полной правдивостью сказать, что у меня не было никакого желания оспаривать ту или иную религиозную догму, но никогда не был я таким дураком, чтобы чувствовать или говорить: *Credo quia incredibile* [т. е. «Верую, потому что это невероятно»].

Ясно, таким образом, что и «веру» Дарвина в «буквальную истинность каждого слова Библии» и «полное принятие» им англиканского исповедания надо принимать с серьезными оговорками. По существу мы имеем дело с безразличным отношением к вопросам религии, с известного рода религиозным индифферентизмом юного Дарвина или с такого рода пассивностью, когда готов принять известное положение, хотя активно, своим разумом и волей, его и не поддерживаешь. Для Дарвина, как и для его отца, который, как мы увидим дальше, также был, по свидетельству самого Чарлза, человеком неверующим, выбор карьеры священни-

ка был вопросом выбора профессии, а не вопросом тех или иных убеждений. В те времена в Англии карьеры врача и священника (особенно сельского священника) были очень широко распространены среди интеллигенции. Карьера сельского священника тем более улыбалась Дарвину, что она оставляла достаточно досуга, позволявшего заниматься наукой – изучением природы, археологии, истории своего прихода и т. п. Дарвин знал много примеров этого рода, да и среди крупных естествоиспытателей – учителей Дарвина в Эдинбурге и (позже) в Кембридже – было немало «преподобных».

Путешествие на много лет отвлекло Дарвина от вопроса о подыскании для себя какого-либо сельского прихода, как это сделали многие из его товарищей по Кембриджскому колледжу Христа, которые, как и он, увлекались естествознанием. После путешествия он быстро стал известным и признанным геологом и зоологом, и мысль о карьере священника как-то сама собой отпала не только у Дарвина, но и у всех членов его семьи, включая отца. Однако теперь вопрос о религии встал перед Дарвином уже по существу, а не формально, поскольку он всем ходом своих научных исследований был приведен к необходимости признать историческое развитие органического мира, т. е. учение, в корне противоречившее всякой религиозной концепции как концепции метафизической. До нас, к сожалению, не дошла «Записная книжка, относящаяся к метафизическим изысканиям», которую Дарвин начал

вести, как он говорит в своем «Дневнике», в Шрусбери во второй половине июля 1838 года. В «Воспоминаниях» же, в 1876 г., он говорит, что его отход от религии в 30-х годах начался в форме критико-скептического отношения к книгам Старого и Нового Завета, т. е. к Библии и Евангелию.

В «Жизни и письмах» (*L. L.*, т. I, стр. 308) фраза о Ветхом Завете в результате значительных сокращений почти утратила сходство с оригиналом и имеет следующий вид: «Я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий Завет заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов». В действительности же в рукописи «Воспоминаний» Дарвина фраза эта выглядит так: «Я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий Завет – с его до очевидности ложной историей мира, с его Вавилонской башней, радугой в качестве знамени Завета и с его приписыванием Богу чувств мстительного тирана – заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов или верования какого-нибудь дикаря». Таким образом, в 1836–1838 гг. у Дарвина, как мы видим, уже не только не было веры «в буквальную истинность каждого слова Библии», а наоборот, развилось отчетливое понимание того, что библейские рассказы – не более чем литературно оформленные мифы древнейшей, первобытной религии, аналогичные мифам древних индусов и верованиям первобытных народов.

Точно так же, постепенно, хотя и значительно медленнее и преодолевая известное внутреннее сопротивление, Дарвин

(начиная приблизительно с того же 1838 г.) «перестал верить в христианство как божественное откровение». Примечательно и здесь одно место, опущенное в *L. L.* Дарвин говорит, что, став «совершенно неверующим», он уже не мог понять людей, которые, осознав противоречивость и невероятность евангельских рассказов, тем не менее испытывают желание получить доказательства того, что христианство является «истинным учением». Если, говорит Дарвин, это учение истинно, то «незамысловатый текст Евангелия показывает, по-видимому, что люди неверующие – а в их число надо было бы включить моего отца, моего брата и всех моих лучших друзей – эсхатологически [т. е. в силу возмездия при «вечном суде»] потерпят наказание». И выражая свое глубокое презрение и отвращение к подобного рода «истинной религии», Дарвин восклицает: «Это учение отвратительно!»

Приведенное место «Воспоминаний» представляет исключительно большой интерес прежде всего как прямое, непосредственное свидетельство Дарвина о том, что не только он сам, но и его отец, старший брат и ближайшие друзья, т. е. такие люди, как Лайелль, Гукер, Гексли, были людьми неверующими. Во-вторых, интересно сопоставить это место с дальнейшими высказываниями Дарвина и его ссылкой на то, что работы Тэйлора и Спенсера позволяют проследить возникновение первобытных религиозных верований. Из этого сопоставления следует, что Дарвин отчетливо представлял себе существование генетической связи между так

называемыми «высшими религиями», с одной стороны, и верованиями первобытного человека – с другой, между идеей возмездия во время «вечного суда» в «конце мира», с одной стороны, и страхом дикаря перед «таинственными силами» и его стремлением умиловить эти силы при помощи различных жертвоприношений, вплоть до человеческих, – с другой.

Мстящий и карающий Бог, Бог, сеющий в мире бесконечные страдания ни в чем неповинных живых существ, вряд ли соответствует представлению о всемогущем, всезнающем и всеблагом существе, каким рисуют Бога различные религии. Некоторые религиозные мыслители, говорит Дарвин, доказывали, «будто страдание служит нравственному совершенствованию человека. Но число людей в мире ничтожно по сравнению с числом всех других чувствующих существ, а им часто приходится очень тяжело страдать без какого бы то ни было отношения к вопросу о нравственном совершенствовании... предположение, что благожелательность Бога не безгранична, отталкивает наше сознание, ибо какое преимущество могли бы представлять страдания миллионов низших животных на протяжении почти бесконечного времени. Этот весьма древний довод против существования некой разумной Первопричины, основанный на наличии в мире страдания, кажется мне очень сильным, между тем как это наличие большого количества страданий... прекрасно согласуется с той точкой зрения, согласно которой все органические су-

щества развились путем изменения и естественного отбора». Этот пример наглядно показывает, что для Дарвина научное, эволюционное объяснение таких биологических явлений, как наличие неизбежных страданий животных в борьбе за существование или целесообразность в строении и жизнедеятельности растений и животных, было прямой антитезой объяснения религиозного, телеологического, метафизического.

Разобрав несколько других доводов в пользу существования Бога и показав их несостоятельность, Дарвин заключает свое рассуждение указанием на то, что в течение довольно долгого времени наиболее убедительным казался ему довод, заключающийся, как он говорит, в «крайней трудности или даже невозможности представить себе эту необъятную и чудесную Вселенную, включая сюда человека с его способностью заглядывать далеко в прошлое и будущее, как результат слепого случая или необходимости». Эта мысль и вынуждала его, по его словам, признать существование Первопричины, которая «обладает интеллектом, в какой-то степени аналогичным разуму человека», в силу чего он и склонен был называть себя «теистом». Но далее, рассмотрев ряд аргументов и против этого довода, он добавляет: «Насколько я в состоянии вспомнить, это умозаключение сильно владело мною приблизительно в то время, когда я писал «Происхождение видов», но именно с этого времени его значение для меня начало, крайне медленно и не без многих колебаний, все бо-

лее и более ослабевать».

Это было, следовательно, в 1858–1859 гг. Много позже, 3 июля 1881 г., Дарвин писал У. Грээму, возражая против его доказательств существования Бога: «Главный пункт заключается в том, будто существование так называемых естественных законов подразумевает цель. Я этого не вижу. Не будем говорить о том, что когда-нибудь, как надеются многие, будет показано, что различные великие законы являются неизбежным следствием одного-единственного закона. Но если даже взять законы природы такими, какими мы знаем их ныне, то я не могу, например усмотреть необходимости в какой-то особой цели в отношении луны, где вполне имеют силу закон тяготения и, без всякого сомнения, закон сохранения энергии, законы атомной теории и пр. и пр.» (*L. L.*, т. I, стр. 315).

В заключительной части раздела о религии в «Воспоминаниях» (части, оставшейся неопубликованной) Дарвин ставит следующий вопрос: если человек раз и навсегда отказался от «твердой и никогда не покидающей его веры в существование личного Бога и в будущую жизнь», то что же может заменить ему эту утраченную им веру Дарвин считает, что единственным достойным ответом на этот вопрос может быть только следующий: «...человек может предвидеть и оглядываться назад и сравнивать различные свои чувства, желания и воспоминания. И вот, в согласии с суждением всех мудрейших людей, он обнаруживает, что получает

наивысшее удовлетворение, если следует определенным импульсам, а именно – социальным инстинктам, которые побуждают его действовать на благо других людей. Он будет в таком случае получать одобрение со стороны своих близких и приобретать любовь тех, с кем он живет, а это последнее и есть, несомненно, наивысшее наслаждение, какое мы можем получить на нашей Земле. Постепенно для него будет становиться невыносимым охотнее повиноваться своим дурным страстям, нежели своим высшим импульсам...», и даже в тех случаях, когда он будет чувствовать необходимость действовать вразрез с мнением других людей, чье одобрение он в таком случае не заслужит, он все же будет испытывать полное удовлетворение от сознания, что он следовал своему глубочайшему убеждению или совести».

Если оставить в стороне несколько отвлеченный характер этих высказываний, в которых Дарвин не учитывает конкретных, исторически складывающихся общественно-экономических условий жизни, в основном определяющих поведение людей, если, далее, не придавать особого значения таким не вполне точным терминам Дарвина, как «социальные инстинкты», то в целом надо признать, что в приведенных словах с большой силой встает пред нами образ Дарвина-гуманиста. И необходимо согласиться, что проповедуемая Дарвином гуманность, основанная не на религии, не на вере в Бога, а на высшем социальном стремлении действовать на благо других людей, стоит неизмеримо выше «доб-

родетели» религиозных людей, творящих добро во имя веры или «из страха Божия».

Для нас совершенно очевидно теперь, что Дарвин был атеистом. Сам он, однако, называл себя «агностиком». В этом, несомненно, сказывалось желание Дарвина отдать дань своей семье и своему классу. Он и сам признавал это. В письме к К. Марксу от 13 октября 1880 г. он говорит: «Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно, все равно), что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки... Впрочем, возможно, что тут на меня повлияла больше, чем следует, мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию». <...>

Но если круги либеральной английской интеллигенции, к которым принадлежал сам Дарвин, охотно соглашались с тем, что он агностик, а не атеист, ибо чаще всего они и сами занимали аналогичную позицию, то представители английской буржуазии распознали в Дарвине атеиста и материалиста. Немалый интерес представляет в этом отношении письмо Томаса Карлейля, опубликованное в конце 1876 г. в некоторых английских газетах. Занявший после революции 1848 г. реакционные позиции по отношению к чартист-

скому движению, Карлейль <...> выступил на защиту религии против материализма и атеизма. Карлейль был в приятельских отношениях со старшим братом Чарлза Дарвина, Эразмом, у которого нередко бывал в гостях, встречаясь здесь иногда и беседуя с Чарлзом Дарвином. Это свое знакомство и беседы он и использовал в указанном выше письме для беззастенчивого выступления против Дарвинов. Он писал: «Так называемые литературные и научные круги в Англии позволяют в настоящее время протоплазме, происхождению видов и т. п. со священным трепетом убедить себя, что не Бог создал Вселенную. Я знал три поколения Дарвинов – деда, отца и сына – все атеисты! Брат современного знаменитого натуралиста... рассказал мне, что в имуществе своего деда [т. е. доктора Эразма Дарвина] он обнаружил печать с выгравированной на ней надписью: *Omnia ex conchis* [т. е. “Всё – из раковин”]. Несколько месяцев назад я видел натуралиста; я сказал ему, что читал его “Происхождение видов” и другие сочинения и что он никоим образом не убедил меня в том, будто люди произошли от обезьян, но гораздо более преуспел убедить меня, что он и его так называемые научные собратья весьма близко привели современное поколение англичан к обезьянам. Прекрасный человек этот Дарвин и с добрыми намерениями, но с очень слабым интеллектом¹. О! Печально и ужасно видеть почти целое поколение

¹ Как бы в ответ на это Дарвин следующим образом охарактеризовал Карлейля: «...никогда не встречал я человека, который по складу своего ума был бы в такой

мужчин и женщин, претендующих на то, чтобы называться культурными, и смотрящих на все вокруг с тупым видом и не находящих Бога в этой Вселенной. Я полагаю, что это – реакция против господства ханжества и пустого лицемерия, признававших за веру то, во что в действительности вовсе не верили. И вот чего мы достигли: все произошло из лягушачьей икры, евангелие грязи – порядок дня. Чем более я старею – а я стою уже на краю вечности, – тем чаще вспоминаю поучение катехизиса, которое я выучил, будучи ребенком, и смысл которого становится для меня всё яснее и глубже: “В чем великая цель человека Славить Господа и вечно радоваться Ему!” Никакое евангелие грязи, учащее, что человек произошел от лягушек через обезьян, никогда не сможет оставить эти слова без внимания»².

И ряд органов печати (газеты *The Times*, *The Daily Tribune*) услужливо перепечатали письмо Карлейля. <...> [Этот эпизод] иллюстрирует ту общественную обстановку в Англии, в условиях которой Дарвина и его единомышленникам приходилось отстаивать новое учение об историческом развитии растений, животных и человека, хотя прошло уже 17 лет после выхода в свет «Происхождения видов» и пять лет после публикации «Происхождения человека». Примечательно, что спустя еще три-четыре года, в 1879–1880 гг., когда против Дарвина выступил с совершенно нелепыми об-

степени неспособен к научному исследованию.

² Цит. по книге J. Gook, *Biology*, Glasgow, 1878, стр. 108–109.

винениями Сэмюэл Батлер, повторилась та же история. Надо согласиться с известным учеником Э. Геккеля Эрнстом Краузе, который писал по поводу выступления С. Батлера: вся эта история «ясно показывает, что в Англии под покровом внешней вежливости все еще тлеет глубокая ненависть к нарушителю квиетизма [т. е. к Дарвину], ибо многие из газет и журналов Англии не осмелились реагировать на легкомысленные и абсурдные жалобы Батлера, обнаружив таким образом свой истинный образ мыслей».

Это вынуждает думать, что высказанный Дарвином в самом конце раздела о религии (в неопубликованной части «Воспоминаний») оптимистический взгляд на якобы большую быстроту, с какой «религиозное неверие, или рационализм», распространилось в Англии в течение второй половины его жизни, был довольно далек от истинного положения вещей. Дарвин судил об этом преимущественно на основании того, что ему приходилось видеть и встречать в кругу своих родичей и знакомых, а это по большей части были люди, являвшиеся, по свидетельству самого Дарвина, атеистами либо же в худшем случае прикрывавшие свое неверие внешней церковной обрядностью. Об отношении этих либеральных кругов к религии дает известное представление рассказ Дарвина о видном английском экономисте Чарлзе Бэббидже, не включенный Ф. Дарвином в «Автобиографию» и потому остававшийся до настоящего времени неизвестным. <...>

Вспомним приведенное выше выступление Карлейля, речь епископа Уилберфорса на съезде Британской ассоциации в Оксфорде в 1860 г., получившую знаменитый отпор со стороны Гексли, многочисленные злобные рецензии на «Происхождение видов» и «Происхождение человека», написанные церковниками, которых Дарвин называл «черными бестиями». В отношении второго поведения Дарвина, возможно, и имело известный тактический смысл, тем более, что и в собственной семье он встречал некоторое давление со стороны самого близкого ему человека – своей жены, которая была верующей англиканкой. Этим, можно думать, объясняется и включение в известную заключительную фразу второго издания «Происхождения видов» слова «Творец», которое отсутствовало в первом издании.

<...> *Science has nothing to do with Christ* [«Наука не имеет ничего общего со Христом»], – сурово отвечал Дарвин ученым ревнителям религии и Церкви (*L. L.*, т. I, стр. 307).

* * *

Характеристики некоторых английских ученых, писателей и мыслителей, не включенные Френсисом Дарвином в известный текст «Автобиографии», представляют двойной интерес: они дают в очень сжатой, но подчас замечательно острой и меткой форме правдивые образы ряда видных деятелей Англии 1850–1880-х годов и вместе с тем характеризуют

ют самого Чарлза Дарвина. В высшей степени примечательными являются характеристики геологов Бекленда, Мурчисона и Лайелля, ботаников Броуна и Гукера, зоологов Оуэна и Гексли и др., в большинстве своем совершенно новые и часто неожиданные. Выраженные в этих характеристиках симпатии и антипатии Дарвина вполне соответствуют сложившемуся в нашем представлении образу его – несколько застенчивого, скромного в оценке самого себя, бескорыстно преданного науке человека, для которого единственно важным и ценным в научном исследовании было стремление раскрыть объективные законы природы. Дарвин придавал поэтому исключительно большое значение таким качествам ученого, как чувство скромности, отсутствие тщеславия и необузданного стремления к славе; он не любил проявлений научной скаредности, зависти к собрату по науке, хвастовства своими достижениями и т. п., – словом, всего того, что не только не имеет прямого отношения к научному исследованию, но мешает ученому, отвлекает его от искреннего, неподдельного интереса к науке.

Вот несколько примеров его характеристик ученых. С явной неприязнью он отмечает, что для геолога Бекленда стимулом, побуждавшим его заниматься научным исследованием, «была скорее страсть к славе, которая по временам заставляла его действовать подобно шуту, нежели любовь к науке»; в знаменитом геологе Мурчисоне ему казались смешотворными крайние проявления тщеславия, хвастовства и

афиширование благосклонного отношения к нему со стороны императора Николая I; он с сожалением вынужден признать, что Ричард Оуэн стал его «злейшим врагом... из зависти к успеху» «Происхождения видов», и должен согласиться с Фоконером, который «был убежден, что Оуэн не только честолюбив, крайне завистлив и высокомерен, но и неправдив и недобросовестен». Глубоко симпатизируя знаменитому ботанику Роберту Броуну, он с сожалением отмечает проявление у него непозволительной научной скаредности, – Броун отказался одолжить Гукеру свой гербарий растений с Огненной Земли, «хотя отлично знал, что сам он никогда не займется обработкой» этой своей коллекции. Даже в бесконечно дорогом ему Чарлзе Лайелле, которого он почитал и всем сердцем любил как своего великого учителя и друга, он все же указывает на черту, крайне ему несимпатичную, на то, что Лайелль очень любил бывать в обществе «лиц высокого положения» и проявлял «чрезмерно большое преклонение перед положением, которое человек занимает в свете».

В противоположность этому он с чувством уважения и глубокой симпатии говорит о крайней скромности и застенчивости знаменитого астронома Джона Гершеля, о внимательности к собеседнику Маколея (в противоположность Боклю и Карлейлю, которые в обществе говорили только сами, никого не слушая и никому не давая и слова промолвить), о простоте и отсутствии какой-либо претенциозности у знаме-

нитого историка Древней Греции Грота. С большой теплотой и любовью написаны Дарвином характеристики Роберта Броуна и особенно трех его ближайших друзей и соратников Лайелля, Гукера и Гексли; он указывает на их выдающиеся способности, глубокий ум, необычайно обширные знания, на их энергию, искреннюю любовь к науке, веру в прогресс человечества, на благородство характера, прямоту, честность во взглядах, убеждениях и т. д.

Исключительно интересна та оценка Спенсера, которую мы находим в «Воспоминаниях» Дарвина. Дарвин говорит, что чтение произведений Спенсера обычно вызывало у него «восторженное восхищение перед его необыкновенными талантами». «И тем не менее, — говорит он дальше, — у меня нет такого чувства, что я извлек из сочинений Спенсера какую-либо пользу для моих собственных трудов». Причину этого Дарвин усматривал в том, что принятый Спенсером метод трактовки любого вопроса прямо противоположен методу — в основном индуктивному методу, — применяемому Дарвином. Дарвину был глубоко чужд метод построения дедуктивных обобщений, под которые затем насильственно подгоняется разнообразный обширный фактический материал. Ставя перед собою какой-нибудь вопрос, он начинал затем тщательнейшим образом, кропотливо и всесторонне исследовать весь возможный фактический материал. И только длительный, тщательный и непредвзятый анализ всего собранного материала приводил его к тому или

иному обобщению, которое затем подвергалось проверке путем анализа всех видимо противоречивших этому обобщению данных. Это был метод подлинного естествоиспытателя. Вот почему Дарвин и говорит: «Его [Спенсера] дедуктивный метод... совершенно противоположен строю моего ума, и прочитав какое-либо из его рассуждений, я снова и снова говорил самому себе: “Да ведь это было бы превосходным объектом на десяток лет работы”».

Свою характеристику Спенсера Дарвин заканчивает следующими замечательными словами: «Должен сказать, что его [Спенсера] фундаментальные обобщения (которые некоторыми лицами сравнивались по их значению с законами Ньютона!), быть может, и представляют большую ценность с философской точки зрения, но по своему характеру не кажутся мне имеющими сколько-нибудь серьезное научное значение. Характер их таков, что они напоминают скорее простые определения, нежели формулировки законов природы. Они не могут оказать никакой помощи в предсказании того, что должно произойти в том или ином частном случае. Как бы то ни было, но мне они не принесли никакой пользы». Эти слова показывают, насколько далеко стихийный материализм Дарвина увел его от простой созерцательности в ту эпоху, когда в биологических науках еще господствовали идеализм и метафизический материализм. В каждом теоретическом обобщении Дарвин ценил не «простые определения», а «формулировки законов природы», позволяющие

предвидеть, предсказывать то, что «должно произойти в том или ином частном случае».

* * *

В «Дневнике» Дарвина имеется следующая любопытная запись, сделанная автором в самом конце 1839 г.: «Во время моего пребывания в Мэре немного читал, был очень нездоров и скандально бездельничал. В результате я весьма основательно понял, что нет ничего более невыносимого, чем безделье». И надо признать, что вся жизнь Дарвина является одним из самых ярких примеров огромного, упорного и систематического труда. Известно, что с 1842 г. Дарвин переселился из Лондона в деревню Даун с целью прежде всего возможно более изолировать себя от городских условий, мешающих систематической работе. С 1846 г. он применил новую форму ведения своего личного «Дневника»: он делил каждую страницу на две колонки, занося в левую колонку преимущественно данные о ходе своей работы, а в правую — главным образом данные о различных поездках: на курорты, к родственникам и друзьям, в Лондон и другие города с научными целями, на научные съезды и пр. Отмечая в «Дневнике» с большой аккуратностью сроки начала и окончания каждой из своих больших работ, а также время, отнятое у него поездками и болезнями (а Дарвин, как хорошо известно, почти всю свою жизнь тяжело болел), Дарвин в момент

выхода в свет той или иной из своих работ подсчитывал время, затраченное на данную работу. При этом он с сокрушением отмечал, сколько времени было потеряно им из-за болезней и отъездов из дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.